

его укокошим! Как это у Толстого: мы любим людей за то добро, которое мы им сделали. И ненавидим за то зло, которое мы им причинили! Потом это и на моих детях сказало... Ирина все время переживала.

И.С. Обидно было, что люди, вхожие в дом и друзьями считающиеся, повернулись на сто восемьдесят градусов...

С.Б. Тяжело. Вы думаете, легко было Шолохову читать утверждения Солженицына и других, что «Тихий Дон» не он написал? Когда Симонов выступил в его защиту, у него слезы в глазах стояли...

— **Странный писатель Шолохов: в двадцать лет выпустил великий роман, в тридцать — посредственный, а после срока и одного закончить не смог... Что его сломало?**

— Если посмотреть на его отношения со Сталиным, Хрущевым, Брежневым, то можно понять... Все рассчитывали, что он их прославит. Если Хрущев ехал в США и брал с собой Шолохова, он зачем это делал? Не для того же, чтобы ему Америку показать! Или Брежнев думал: «А вдруг Шолохов напишет про мои подвиги на Малой земле?» А он не писал. Или вот меня вызвал министр обороны Гречко. Подарил свою книжку «Битва за Кавказ» с такой надписью, что, когда я читал ее в министерстве, все офицеры вставали, и посоветовал снять по этой книге фильм. «А сценарий?» — «Есть, Софронов написал.» — «Говенный сценарий?» — «Так напиши сам.» А у него еще Епишев сидел. «Все дадим, — говорит, — любую армию...» — «Я подумаю.» Думал-думал и решил поставить «Они сражались за Родину». Поехал к Шолохову. Он говорит: «По-

«Калину красную». Фильм выходил трудно, вы знаете. Тогда же мы договорились, что он будет снимать «Разина». Сизов и Ермаш были «за». А в это время пробо-вал актеров и спросил: «Вася, может, ты сыграешь у меня?» Он прочел сценарий и согласился. Еще, помню, добавил: «Интересно посмотреть, как ты распорядишься большими массами...» То есть почти впрямую сказал, что хочет у меня поучиться. Я говорю: «Чему так учиться, все увидишь...» Мне Виктор Астафьев рассказал, что ходили слухи, будто когда Шукшин умер, я был за границей. Я ему ответил, что это вранье. «Кто ж тебя окружает?!» Наоборот, это Лидия тогда была в Болгарии. Он ей звонил ночью, а ее не было ни в гостинице, ни у родственников, нигде... Это она сама должна рассказать... Ночью он и умер. Бурков утром говорит: «Вася, вставай кофе пить...» А Вася кулачок под щеку подложил и мертвый лежит. Он шесть лет не пил, только кофе гонял и чай...

— **Вы знали, что он очень болен?**

— Он никогда об этом не говорил, но я знал, что у него язва. Перед тем как ехать в экспедицию, я заставил его лечь в больницу. И язву он вылечил. Вот — правда. А все остальное — не знаю, как это назвать...

— **А с Тарковским какие у вас были отношения?**

— Он приглашал меня смотреть материал «Иванова детства». А потом были сюжеты личного порядка, связанные с моей дочкой Наташей...

— **Во время «Соляриса?»**

— Этого я никому не расскажу... — **На Каннском фестивале 1983 года что за история была? Вы против него лоббировали?**

— За границей все началось с того, что он не захотел возвращать государству деньги, которые получил за «Ностальгию». Я, когда снимал «Ватерлоо», почти все отдавал — закон такой был. Потом поехало: останется он или не останется? Сейчас всем безразлично, останусь я или уеду. А тогда как относились к тем, кто остается за границей? И как мы должны были это воспринимать? Сизов ездил к нему на переговоры. И вдруг в Канне Тарковский объявляет, что приехал взять гран-при, а остальное его не интересует... Я мог бы когда-нибудь так заявить? И Брессон, учитель его, туда же. Дали им обоим грамотки — вот они и обиделись...

— **Почти все фильмы Тарковского — цитаты из других картин. Бергман, Брессон...**

— **На вас давили, чтобы вы помешали Тарковскому взять приз в Канне?**

— На меня давить бессмысленно. Я человек неуправляемый. Им еще по Московскому фестивалю это было известно.

— **Значит, пробовали давить?**

— Ну конечно! Был специальный человек от ЦК, он со мной беседовал... Чтобы наша картина, хоть какая, обязательно получила первый приз... Да на любом фестивале заранее все куплено. В Канне, в Берлине, на «Оскаре». Идет купля и продажа.

— **В каком смысле?**

— Да в прямом!

— **Жюри подкупают?**

— Да! Или так на так. Вот я в Локарно был членом жюри и хотел, чтобы наш фильм получил гран-при. Кооперировался с людьми, которые сами хотели его получить. Говорил: «Поддай голос за этот фильм, а я поддам за тот, который ты двигаешь». И так до самого конца. А в конце концов главный приз получил фильм о педерастах. Всех перехитрил...

— **Лично вас пытались купить?**

— Со мной эти дела бесполезны... — **«Оскар» у вас на полке — за «Войну и мир»?**

— Да.

— **Так, значит, вы подкупили всю киноакадемию США? Неужели рублиями? Или все-таки фильмом? А, улыбаетесь... Между прочим, если вы так не любите конъюнктуру, зачем взяли за «Красные колокола», которые были просто обречены получить какую-нибудь премию?**

— Меня интересовала Мексика и раздражали своим историческим произволом «Октябрь» и «Ленин в Октябре». А у меня все документально. Главный герой моего фильма — событие. А критики хотели увидеть Пашу и Машу на фоне событий, как у Евтушенко в «Похоромах Сталина». Видели, что получилось?

— **Вы имеете богатый опыт работы с западными продюсерами. Легче с ними, чем с советским государством, или сложнее?**

— Государство мне давало столько денег, сколько нужно. А сейчас мои продюсеры не знают, как закончить «Тихий Дон». А какое отношение было к кино, если сам Сталин сценарий читал?! Сейчас из наших руководителей кто-нибудь хоть в глаза сценарий видел?

— **Хотите, чтобы Ельцин был вашим цензором?**

— Да не надо! Хоть министр культуры... Вот у Фурцевой был экземпляр сценария с фотографиями исторических, с актерами... «Войну и мир» она не читала, но сценарий перелистывала. Раз вдруг заплакала и говорит: «Ох, как Каратаев похож на нашего Никиту Сергеевича!» Если бы ее не было — не было бы фильма...

А государство всем давало, не только мне. Вот Андрей Тарковский жаловался, что ему не давали... Да неправда это! Я же был членом коллегии Госкино. Его специально приглашали и спрашивали: чего ты хочешь, Андрей?

— **Когда вы с Ириной Константиновой играли Отелло и Дездемону, а потом Пьера и Элен, то драматизм их отношений имел какое-то основание в ваших собственных отношениях?**

— Да у нас до сих пор драматические отношения!

И.С. Все время на стыке...

С.Б. Сорок лет друг дружку терпим. Но я ей испортил биографию...

И.С. Открываем друг друга каждый день уже сорок лет...

С.Б. Она знает французскую поговорку: «Все сказать — значит быть скучной». И у каждого артиста должна быть тайна. Чобы на него смотрели как на божество. Надо меньше выступать по ТВ, меньше давать интервью...

— **Вот и естественный конец беседы. Спасибо. Честно говоря, не рассчитывал на столь откровенный разговор.**

— Это я растрепался. Подведение итогов...

Беседу вел Виктор МАТИЗЕН.

Полностью беседу читайте в журнале «Обозреватель» (N 8, 1994).

СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК

"Если людям делаешь добро, они за это непременно отомстят"

В просторной квартире Бондарчука на Тверской в облепленном мемориальными досками доме была предремонтная обстановка. Ирина Константиновна Скобцева, на чьи ослепительной красоты фотографии и портреты я то и дело поглядывал, была занята домашними делами, но время от времени принимала участие в разговоре. На столе, за который Сергей Федорович пригласил меня сесть, лежала книга в черном переплете с тиснением: Дуглас Рид. «Спор о Сионе».

Таковыми их узнали и полюбили — Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева 35 лет назад (из архива «ВК»);

ный». А у меня волосы были черные аж до синевы. «А кто ставит?» — «Савченко». — «Вин не знае Украйны. Це буде из малой тучи большой дождь...»

— **Как в воду глядел, если имел в виду дождь наград...**

— Ну я и поихав. Долго меня там проверяли, хохол я или нет. Тогда пошел такой националистический напор. Они со мной по-украински, а я с ними только по-русски. «Ой, шо-то подозрительно: такой чернявый...»

— **Гадали, може, жид подмешався?**

— Да кто их знает! Послали фотографию Никите Хрущеву, тот посмотрел — и утвердил...

— **Вы почти не играли «наших современников» и не сняли ни одного фильма о современности. Это такая форма бегства от действительности?**

— Я занимался не «киношкой», а кинематографом, в основе которого — большая литература... В любом классическом произведении есть то, что происходит сегодня. «Тихий Дон», например, будто вчера написан... Вот я его и поставил. Хотя иногда думаю: кому это все сейчас нужно? «Просто Мария» для нашего «образованного» зрителя много интереснее...

— **Шолохова-человека многие считают злым гением.**

— Гений и злодейство — две вещи несовместные, и злодеем он не был. Он сделал много добра, а если людям делаешь добро, они за это непременно отомстят. Вот я сделал человеку добро, а он мне через некоторое время такой гадостью ответит...

— **А вы не пробовали сделать ему гадость — может, он бы вам добром отплатил?**

— Нет... Хоть меня и били на Пятом съезде кинематографистов, страшно били, а сейчас вот извинились и вернули, я не обиделся...

Ирина СКОБЦЕВА. У нас как? Сегодня надо поднимать — поднимем. Завтра надо убивать — убьем.

Сергей БОНДАРЧУК. Это настоящий отстрел был. Меня все это время отстреливали. И психология эта... Мы, русские, какие? У соседа хата горит — радуемся. Он добро мне сделал — ох, неспроста-а-а... Давай мы

Хозяин дома спросил. — Знакомы с этим? — Вроде слышал, но не читал... Где вы ее купили?

— Там уже нет. Скупили и уничтожили... — ???

— А в ней все... Самая великая книга. Но я вас не буду просвещать. И так мне уже приписывают всякое... Прошел такой дурной слух, что я антисемит.

— **Это дым без огня?**

— У меня много друзей-евреев, и я не вижу грани, которая бы нас разделяла. Антисемитизм — человеконенавистническая идеология. Не знаю, на чем этот слух основан. На моих фильмах? Так у меня единственная сцена с евреями...

— **...в «Степи», с Квашой и Смокуновским?**

— Она сочувственная к этим людям, этим характерам... Сару играет еврейка... Благодарил меня за то, что наконец получила такую роль: евреев же нельзя было показывать на экране. Помню, на Украине меня журналист спросил, кто у меня снимается. Я стал перечислять и сказал, что Мойсей Мойсеича играет Смокуновский. Он изумился: «Какой Мойсей Мойсеич?» — «Как какой? Чеховский!» Он достает изданную на Украине на русском языке «Степь» и начинает листать. А там вообще нет этой главы! Такие вещи у нас делала цензура... А на худсовете по «Степи» Зархи возмущался этой сценой, говорил, что непозволительно так снимать...

А может быть, и раньше этот слух возник, когда Пырьев на каком-то большом собрании заявил, что Бондарчук не любит евреев. Как бы донес на меня. А почему? Потому что он сам собирался ставить «Войну и мир».

— **Пырьев?!**

— Он самый. В плане уже стояла его постановка по его же сценарию. Я говорю директору студии: хорошо, я откажусь от своего замысла, если Иван Александрович завтра принесет сценарий. Пырьев говорит: «Какой, твою мать, сценарий?! Ты же знаешь, что у меня его нет!» Так я получил постановку. А когда у меня посреди фильма началось отставание от графика из-за погодных условий, меня решили заменить. Пырьев предложил Алова и Наумова...

— **Первый раз слышу...**

— Так этого никто не знает. И тогда вдруг появился секретарь Гагаринского райкома и сказал: «Прекращайте эту возню, картину будет заканчивать Бондарчук!» Так партия мне всегда помогала в самые критические моменты.

— **Откроем «Спор о Сионе»: «Мы покажем читателю, что, не исключая самых ужасных преступлений, совершенных во время французской революции, все было заранее обдуманно, предвидено и предпринято и было результатом глубоко злодейских планов, подготовленных и осуществленных людьми, держащими в руках ключи к интригам и заговорам, замышляемым в потаенных убежищах... Исключительной их целью является искоренение и уничтожение христианства и свержение гражданских властей... Это всемирный план...» Вы в это верите?**

— Я не историк и не судья. Я артист, режиссер и занимаюсь своим делом. А эти все рассуждения дилетантские, несерьезные. Это комнатная философия и комнатная политика. Но не будем больше об этом говорить. Что еще вас интересует?

— **Меня интересуют вы.**

— После триумфа «Судьбы человека» Ромм меня спросил: «У кого ты учился?» — «У вас!» — «Проглядели...» А до этого говорил: «Ты чего у нас кусок хлеба отбиваешь? Чем тебе плохо быть актером? Я вот тебе роль Грозного предлагаю...» А вообще я закончил мастерскую Герасимова и снимался почти у всех наших классиков: у Довженко, Юткевича, Лукова. У Савченко прошел целую академию киноискусства: от сценария до монтажа и тонировки. Козинцев одно время хотел снимать меня в роли Гамлета... Когда-то я убежал с уроков актерского мастерства и слушал лекции Эйзенштейна. В конце войны я работал в ансамбле внутренних войск и, когда поступил во ВГИК, ходил в форме НКВД — другой одежды не было. Так и пришел к Эйзенштейну в голубых погонах, не представился и сел в последний ряд. Он на меня поглядывал и думал: не за ним ли пришли?

Он был как пророк — с его лбом, с его пренебрежением к костюму... Как он разбирал сцену перед битвой в «Александре Невском!» А Пудовкин, который со мной репетировал? Он ввел крупный план времени, или, как сейчас говорят, рапид. Это я использовал во всех своих картинах. Когда рука Наташи ложится на плечо князя Андрея. Вот так... Но это я уже выдаю вам свои секреты.

А у Довженко я снялся в одном эпизоде «Жизни в цвету», где к Мичурину приходит посетитель. Я спросил: «Что же мне здесь играть?» — «Сыграйте отношение простого человека к науке!» После съемок говорю ему: «Александр Петрович, я еду в Киев...» — «Зачем?» — «Пробоваться на роль Шевченко».

— «Ты не похож. Он був белесый, а ты чер-